

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОЛД., РУМ. *DOÎNA*

Г. БОГАЧ

С середины прошлого столетия термин *дойна*, как наименование особого песенного и музыкального жанра дакорумынского фольклора, прочно вошел в фольклористику и в общий обиход. Правда, и составитель первого сборника румынских народных песен (1852) Василе Александри, давший термину широкое распространение, и почти все последующие культурные деятели в определении жанра учитывали только его литературный критерий. Под этим словом, заимствованным из народной терминологии Молдавии, долгое время подразумевалось любое лирическое произведение, обычно в минорных тонах, отличающееся своим текстом от героико-эпических поэм, от ритуальных, календарных и плясовых песен. Тогда, во второй половине XIX века и в первые десятилетия нашего столетия, время для изучения мелодии и структуры вокальной и инструментальной дойны, ареала бытования, стадий ее развития, функции, особенности исполнения и других проблем, еще не наступило.

Пока отечественная фольклористика только накапливала факты для будущих обобщений, в 1875 году появилось основательное исследование о происхождении самого наименования. Воспитанник Харьковского университета, крупный молдо-румынский филолог Б. Петричейку Хаждэу предложил этимологию термина и установил связь с далекими его соответствиями. Хаждэу считал это слово тракийского (дакийского) происхождения. Оно родственно, — писал он, — кельтско-ирландскому *dan* «песня, поэма» и персидскому *danah* «песня, исполняемая женщинами». Обе эти формы предполагают в качестве общего этимона санскритское слово *dana* «песня, звук». Другими соответствиями этого термина являются зендский *daênâ* «песня», армянский *den*, но ближе всех стоит, конечно, литовское *daina* «песня».

(В то время никого еще не могла занимать судьба этого же слова в латышском языке)¹.

«Дакийцы и литовцы — писал Хаждэу — являются, следовательно, единственными народностями, которые сохранили неизменным содержание и форму слова *daina* — прекраснейшего наследия инициального индоевропейского языка, наследия, которое является гораздо более ранним свидетельством общности наших предков, чем древнейшие лапидарные надписи»...²

Молдо-румынский ученый поставил и вопрос о возможном заимствовании термина литовцами (от румын). Он заметил, что у славян такого слова нет, и, кроме того, что молдаване и литовцы когда-то жили «в соседстве». Но тут же Хаждэу отверг эту возможность: наименования народных песен не заимствуются, — утверждал он, — и, кроме того, появление *-i-* в литовском *daina* (по отношению к санскритскому *dana*) может быть объяснено законами развития самого литовского языка³. Вопросы о заимствовании слова у литовцев самими румынами этот ученый не ставил.

Суждениям и аргументации Хаждэу о тракийском происхождении термина *дойна*, предшествовало в науке объяснение Димитрия Кантемира (1672—1723). По мнению этого выдающегося молдавского ученого, *дойной* именовался дакийский «бог войны». В примечании к своему тексту Кантемир заметил, что это слово обычно выступает в зачине «мужских» (с точки зрения исполнения) песен, то-есть, что упоминание этого божества является своего рода инвокацией⁴. Свидетельство Кантемира о наличии слова в инициальной формуле песен (которые, по его мнению, носили только военный характер) подтвердилось более поздними фольклорными записями. Действительно, в зачинах *дойны*, состоящих иногда из ряда двухсложных или односложных восклицаний, в зачинах, ставших местами факультативными, это слово имеется. Правда, в таких же его различных фонетических вариантах и в различных ритмико-акцентологических положениях оно наличествует в начальных строках не только *дойн*, но и других жанров, в том числе и ритуальных. Так, в северной части дакорумынской территории, в Марамуреше бытуют: *dâina, dũinã; dui, dui, dui*; в Трансильвании — *dăinu, dăina; âi-nam—dăinam; eĩ-nu—duĩnu; dâina-le; dâina-mă; âinã-dăinã; dăina-dăinã*. В Молдавии бытует *doina* и уменьшительное *doinița*.

¹ Первое введение в обиход термина *daina* в 1893 году Кришьяном Бароном, по настоянию издателя Виссендорфа, и аргументы для его введения Я. Лаутенбаха и Я. Сандера вызвали резкий отвод П. Шмита и Я. Сирмаис: P. Šmits, Par jauno tautas dziesmu krājumu, „Mājas Viesis“, 1893, стр. 50; J. Sirmais, Mūsu tautas dziesmu jaunākais izdevums, „Dienas Lapa“, 1894, стр. 212—215.

Этой информацией мы обязаны рижскому фольклористу М. Бейтыня, за что приносим ей искреннюю благодарность.

² B. Petriceicu Hasdeu, Principie de filologia comparativa arioeuropea cuprindând grupurile indo-perso-tracice, greco-italo-celtic și leto-slavo-germanic cu aplicaloieni la istoria limbei romane. Curs ținut la Facultatea de Litere și Filosofie din București, I, 1875, стр. 28—29.

³ Ibidem, стр. 26—27.

⁴ Димитрий Кантемир, Описание Молдовы, Кишинэу, 1957, стр. 197.

Только в Молдавии, в Буковине и в Марамуреше слово *doina* и варианты его выступают как термин, обозначающий музыкальный жанр песни. В Трансильвании слово бытует только в зачинах. В других областях дакорумынского языка *doina*, как термин, неизвестен: оно не бытует вовсе в Мунтении, в Олтении, в Банате и в Добрудже⁵.

Мнение Кантемира о первоначальном военном характере музыкального жанра и самого наименования нашло последователей и в XIX веке: такого мнения был Иордаки Мэлинеску и известный молдавский писатель К. Негруцци, который даже сочинил три маршеобразные «дойны», выдав их за народные.

Всем последующим ученым аргументация Хаждэу, который обосновал мнение Кантемира согласно уровню науки своего времени⁶, показалась, однако, не убедительной. Как до, так и после Хаждэу (однако не полемизируя с ним) исследователи искали основу слова в других языках: лат. *donativum* «дар, получаемый римским воином после битвы» (!), лат. *Diana* «покровительница охотников» (и, следовательно, воинов), *Danubius* «Дунай». Все эти три предложения возникли в 1842 году под пером диллетанта Иордакия Мэлинеску⁷. Другие искали этимон в славянских языках: слав. *двойница* «двойная пыжатка, двойчатка» — А. Чихак⁸; рус. *дуть, дунуть* — К. Н. Буриляну⁹. Другие ученые филологи производили слово из греческого *δην, δαν* — дорийского наименования «Юпитера» — Петру Майор¹⁰, но чаще все же из латинского: *Diana + oda* (!) — поэт И. Элиаде-Рэдулеску¹¹; лат. *doleo*, через предполагаемую промежуточную форму **dolina*, — А. Т. Лауриан и И. К. Массим¹² и др. Наконец, нашлись и исследователи, которые производили слово из собственного языка: от глагола *a dăina* «баланси́ровать, колебаться», или же от междуметного повторения, часто выступающего в зачинах этого поэтического жанра: *dui, dui, dui*¹³. Было высказано и мнение о германском происхождении данного слова в дакорумынском языке.

В последней работе на эту же тему, в уже цитированном выше документальном и тонком исследовании румынского фольклориста Ови-

⁵ Все эти примеры объединены с их контекстом в исследовании румынского фольклориста Ovidiu Papadima, *Considerații despre doină*, „Studii și cercetări de istorie literară și folclor“, IX, 1960, № 2, стр. 326—329.

⁶ Автор упомянул и имя исследователя, который впервые провел связь между дакорумынским *doină* и литовским *daina*: мюнхенский ориенталист Martin Haug „Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft“, 1855).

⁷ Iordachi Mălinescu, *Un discurs și poezie*, „Foaie pentru minte, inimă și învățătură“, V, 1842, стр. 97—99; Ap. B. Petriceicu Hasdeu, *Op. cit.*, стр. 21; Ovidiu Papadima, *Op. cit.*, стр. 312.

⁸ A. de Cihac, *Dictionnaire d'étymologie daco-romane*, Francfort s/M., 1870, s. v.

⁹ C. N. Burileanu, *Intre „frunză verde“ și doină*, București, 1936, стр. 57.

¹⁰ Ap. B. Petriceicu Hasdeu, *Op. cit.*, стр. 21.

¹¹ Ap. Ovidiu Papadima, *Op. cit.*, стр. 314.

¹² A. T. Laurianu și I. C. Massim. *Glossariu care cuprinde vorbele d'in limb'a romana straine prin originea sau form'a lor și cele de origine indouioasa*, București, 1876, s. v.

¹³ Tiberiu Brediceanu, 170 melodii populare românești din Maramureș. București, 1957. стр. 5.

дия Пападимы, высказано твердое мнение о происхождении слова. Трансильванская форма *daïna*, как это предложил «с полным основанием» и Хаждэу, может быть дакийского происхождения¹⁴; молдавская же форма *doïna* относится «определенно» к славянским языкам¹⁵. Зачем же так размежевывать наименования одного и того же объекта?

Правда, кроме Хаждэу, для их предположений ни один из перечисленных выше авторов не аргументировал свою этимологизацию, а просто ее предлагал, даже не пытаясь опровергнуть мнение предыдущих авторов.

По всей вероятности, этих исследователей смутила неожиданность и гигантский «размах» этимологии Хаждэу. В действительности же, по последним данным языкознания дакийских элементов в молдавском языке не так уж много. Последние исследователи тракийского языка, болгарский этимологист Вл. Георгиев¹⁶ и румынский языковед И. И. Руссу¹⁷, в трудах, специально посвященных так называемым автохтонным элементам, не рассматривают и даже не включают слово *дойна* в список тракийских слов, сохранившихся в языках народов Балканского полуострова. Противоречат гипотезе об едином старинном «дакийском» образце и неожиданные для такого цельного языка, каковым является дакорумынский, и расположенные на весьма близких расстояниях друг от друга (и даже в одной и той же местности!) варианты. Таким же веским опровержением глубокой древности этого слова у дакорумын является и его фонетизм: ожидаемая современная форма была бы в дакорумынском не *doina*, а **doină*. Мог смутить ученых и тот факт, что Хаждэу слишком категорически отвел возможность заимствования, при довольно частом проникновении в другие языки не только наименований, но и самих предметов — народных инструментов, танцев и песен — например, *cobza, lăută, ghitara, polca, mazurca sirba, bulgăreasca* в дакорумынском языке; самого слова *daina* в современном латышском языке и др. (Следует помнить, однако, что все эти заимствованные объекты и слова не берутся в их «чистом» виде, что они всегда контаминируются с традиционным фондом.) Наконец, Хаждэу вовсе не мог тогда учесть большую фонетическую вариантность слова, музыкальную сторону дойны (ее близость или отдаленность от литовских дайн и до сих пор еще пока никто не изучил...), а также стадиальность и ареал бытования самой дойны.

Главное же, чего не учел ни Хаждэу (который не располагал тогда необходимыми материалами), ни последующие этимологи, является то, что слово *дойна* фигурирует чаще всего лишь во вступительной формуле поэтического текста этого музыкального жанра (регионально и в некоторых других жанрах), в той его части, которая, как устанавливают музыковеды, никак не связана, ни генетически, ни

¹⁴ Ovidiu Papadima, Op. cit., стр. 316.

¹⁵ Ibidem, стр. 317.

¹⁶ Владимир Георгиев, Тракийският ефик, София, 1957.

¹⁷ I. I. Russu, Limba traco-dacilor, București, 1959.

даже тематически с остальными частями дойны, как таковой¹⁸. А если оно выступает и в тексте самой дойны, то и там это слово восполняет строку в виде дополнения до естественного размера стиха.

По всей вероятности, именно отсюда, из этой вступительной «инородной» формулы — на сегодняшний день в этом жанре факультативной — слово *дойна* со временем изолировалось и стало обозначать вначале регионально, а затем, с середины XIX века (расширив свое значение) этот особый поэтический и музыкальный жанр в целом. Примеры изоляции отдельных слов из инициальной формулы, как и вообще из текста песен, и приобретения ими самостоятельного и обобщенного значения нередко встречаются в фольклоре. А начальными формулами песен могут быть различные восклицания и целые предложения, полностью перенесенные из других языков: таковы румынские зачины баллад на языке чангэй, молдавские вступительные формулы цыганских песен и др. Переносятся в иную языковую среду и целые куплеты (так, в Винницкой области украинский фольклорист обнаружил молдавский текст прототипа пушкинской «Песни Земфиры»; в детских «считалках» встречаются слова и целые выражения, перешедшие из других языков и т. д.). Наличие слов, потерявших всякий смысл во вступительных формулах, слов, разделяющих далее между ними и отдельные строфы различных обрядовых песен (как, например, наличие румынского совершенно непонятного слова *ler* в формуле *ler, doamne*, исходящего от лат. (Ha) *llel (uiah), domine*, доказывает одновременно и возможность включения в зачин новых заимствований, и не противоречит возможности дальнейшей его изоляции. Наконец, слово *doïna* со всеми его разновидностями бытует далеко не на всей дакорумынской территории. Меньше того: лишь в Молдавии, Буковине и Мара-муреше, то-есть только в северной и в северо-восточной части территории, слово выступает в народном языке как термин, обозначающий определенный музыкальный жанр; на сравнительно большей территории Трансильвании оно сохранилось лишь в зачинах и не имеет никакого определенного смысла. В южной части территории дакорумынского языка слово вообще отсутствует, как, впрочем, и во всех романских диалектах Балканского полуострова. Конечно, это не могло бы иметь место при едином дакийском происхождении слова.

Все это говорит о том, что молдавское слово *doïna* является заимствованием.

Можно выдвинуть догадку, что дакорумынское слово *doïna* было заимствовано в XIII—XV веках у литовцев. Аргументами для этой гипотезы являются следующие факты (языкового характера).

В литовском языке *daina* это — «народная песня», в то время, как в молдавском — только конкретный поэтический и музыкальный жанр. Следовательно, в молдавском языке смысл слова гораздо уже, чем в литовском. Это сужение смысла, характерное как раз для лексических

¹⁸ Em. Comișel, Preliminarii la studiul științific al doinei, „Revista de Folclor“, IV, 1959, № 1—2, стр. 157.

заимствований, имело место, как нам уже известно, в северной половине дакорумынской территории, то-есть как раз на территории, жители которой действительно могли соприкасаться с литовцами, быть с ними если не в «соседстве», то хотя бы входить в сношения военного, торгового и культурного характера. Кроме этого, на сегодняшний день, когда уже накопилось немало фактов, можно заметить и следующее, по-видимому, вовсе неслучайное совпадение: слово *doina* бытует в его диалектальных формах *dàina* и *dainà* (столь близких, тождественных литовскому *daina*!), и во вступительных формулах и как народный термин, на севере, как раз в области ареала бытования и древнейшей стадии музыкальной эволюции этого жанра.¹⁹ Наконец, заимствование слова *doina* следовало бы предположить и потому, что, в отличие от литовского, где слово имеет большую опору в однокорневых словах, в дакорумынском языке *doina* является словом-основой, и потому что все производные от него слова образованы при помощи сравнительно новых суффиксов: имя *дойнаш* образовано при помощи нового в языке суффикса *-аш*, венгерского происхождения; в уменьшительно-ласкательном *дойницэ* имеется суффикс славянского происхождения; все остальные производные — *дойнар*, а *дойни*, *дойнишоарэ* и *дойнитор*, хотя и оформленные при помощи суффиксов латинского происхождения, все же в молдавском языке являются довольно новыми образованиями — периода бытования самого молдавского языка. Все это — и сужение смысла, и совпадение ареала диалектальной формы *дайна* с ареалом древнейшей музыкальной стадии дойны, и, наконец, морфология новых образований от корневого слова *дойна* — не могло бы иметь место, если слово *дойна* (как термин, не как поэтический и музыкальный жанр!) было бы дакийского происхождения.

Заимствование дакорумынского *дойна* могло иметь место во время расширения границ литовского царства (XIII—XV вв.) вплоть до границ Молдавии и северной Трансильвании. Произошло же это заимствование прямым образом или же через посредство польского языка: такого же неясного происхождения слово *dana* (в контексте: *Da, dy, dana, da, dy, dana; Oj dana moja dana; Dana, dana, dana, dana; Dana ...le ...и др.*) имеется и в польских песнях²⁰.

Первоначально, неизвестный нам куплет или же только это одно слово, ранее бытовавшее в каком-то самостоятельном куплете (может быть действительно и военного характера, и на литовском языке!) попало в текст традиционного зачина местной традиционной мелодии дойны. Вместе с поэтическим куплетом или рефренным словом в этот зачин были привнесены, оказались напластованными или контамини-

¹⁹ Béla Bartók, *Insemnări asupra cîntecului popular românesc*, Cu o prefață de Zeno Vancea, „Revai Lexicon“, Vol. Supl., 1935, стр. 73; Ap. Tiberiu Alexandru, Béla Bartók despre folclorul românesc, București, 1958, стр. 73; Cfr. Em. Comișel, *Op. cit.*, стр. 149.

²⁰ См., например, сборник: Dolf Chybiński, *Od Tatr do Bałtyku*, Kraków, 1950, NN 89, 140, 177, 208 и др.

рованными элементами необычной мелодии. (Как мы уже знаем, зачина этого дакорумынского музыкального жанра, в котором слово *doîna* только и фигурирует, не связан генетически или тематически с традиционной дойной). Затем, благодаря уже утвердившемуся постоянству зачина и, следовательно, частоте употребления слова, оно изолировалось из контекста в качестве термина для всего музыкального жанра. Эту изоляцию мы наблюдаем и сегодня в Марамуреше, где термин *duîna* не может быть отделен от обычного повторения *duî-duî-duî*, которое следует однако рассматривать не как образовательный корень для слова, а как его следствие. Но в Марамуреше, где связь рефренного повторения с уже изолировавшимся термином ощутима и сегодня, сохранился законсервированным древнейший тип мелодии дойны. При неравномерности развития музыкальных жанров на разных территориях, мы можем допустить, что именно такой же процесс совершился и в Молдавии: из такого же «инородного» зачина слово изолировалось и утвердилось как термин. Но это произошло уже на каком-то раннем этапе бытования дойны с ее привнесенным зачином. Мелодия же самой дойны следовала здесь свой путь эволюции и отдаления ее от древнейшей стадии, сохранившейся только в Марамуреше.

Европейские ученые не знали о наличии в молдавском и румынском языках слова *дойна*. Литовское же *daina* некоторые из них, как, например, Иоханн Шмидт, относили к корню *di-t* «танцевать», другие — к *dejà* «жалоба», *dejūoti* «жаловаться» (Шлейхер), а Пиктет и Алберт Вебер установили далее связь его с соответствиями других индоевропейских языков (персидским, зендским и другими). В последнем этимологическом словаре литовского языка Е. Френкеля²¹, в котором воспринято мнение Шмидта, отмечено, что слово *daina* бытует и в латышском языке с тем же смыслом, и что оно родственно с латышским же глаголом *diēt* «танцевать», «петь». Пространная документация по семантике данного слова приведена в латвийско-немецком словаре К. Мюленбаха и Я. Эндзелина²².

Выдвинутая выше гипотеза о литовском происхождении дакорумынской дойны касается, разумеется, только терминологической стороны вопроса. Дойна — лирический жанр. А лирика — неременная часть фольклора всех народов. По своей конкретной форме и содержанию дойна особенно близка лирическим песням народов, живущих на Балканах. Но ни широкое распространение жанра в целом, ни более конкретное сходство его у определенного круга народов никак нельзя рассматривать как заимствование, как миграцию. Фольклористы оперируют таким термином, как полигенезис, которым обозначается самозарождение жанра одновременно у разных народов, порой очень

²¹ Prof. E. Fraenkel, *Litauisches Etymologisches Wörterbuch*, Lieferung I, Heidelberg-Göttingen, 1956, s. v.

²² K. Mülenbachs-J. Endzelīns, *Latviešu valodas vārdnīca*, I-IV, Rīgā, 1923-1932.

отдаленных друг от друга, как следствие одинаковых условий материальной и духовной жизни.

Стиль же музыкального жанра *дойна* по наблюдениям не одного музыковеда отсылает нас не на север, не в сторону Литвы, а на восток (ср. украинские думы) и на юго-восток (Béla Bartók)²³, на восток (C. Brăiloiu)²⁴, и к персидско-арабскому макаму (Emil Riegler Dinu)²⁵.

Сравнительным изучением молдавской *дойны* и литовских *daina* еще никто не занимался, но нет сомнения, что тема эта найдет в скором времени своего исследователя-энтузиаста.

Как видно из изложенного, вопрос об едином происхождении молдавского и литовского термина *дойна—daina* не так элементарен, как он представлялся свыше 80-ти лет тому назад даже такому маститому ученому, каким являлся Хаждэу. Удивительное фонетическое совпадение этих двух терминов и их семантическая близость нуждаются в дальнейших кропотливых исследованиях объединенных усилий и языковедов (диалектологов и этимологистов) и, главным образом, музыковедов, и не только молдавских и румынских, но и украинских, польских, латышских и, безусловно, литовских.

Кишинев

MOLD., RUM. DOÏNA KILMĖS KLAUSIMU

G. BOGAČIUS

Reziumė

Straipsnio autorius iškelia hipotezę, kad žodį *doïna*, kuris nuo XIX a. vidurio plačiai įsigalėjo kaip folkloristikos terminas tam tikrai dainos rūšiai žymėti, dako-rumunai XIII—XV a. galėjo pasiskolinti iš lietuvių, kurių valstybės sienos tuo metu siekė Moldaviją ir šiaurinę Transilvaniją. Pasiskolinti jie galėjo tiesiog iš lietuvių arba per lenkų kalbą. Kad žodis *doïna* dako-rumunų kalboje yra skolinys, rodytų ir tai, kad šio žodžio reikšmė, palyginus su lietuvių *dainà* reikšme, yra susiaurėjusi, be to, išvestiniai žodžiai iš *doïna* sudaryti su naujais, daugiausia svetimos kilmės sufiksais.

²³ Béla Bartók, Op. cit., 191, 192; Ap. Tiberiu Alexandru, Op. cit., 75.

²⁴ Const. Brăiloiu, La musique populaire roumaine, „La revue musicale“, N spécial: „La musique dans les pays latins“, 1940, стр. 7–8.

²⁵ Emil Riegler Dinu, Das rumänische Volkslied, Berlin, 1940; Ap. Em. Comișel, Op. cit., стр. 150.